

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-44-50>

Философия всеединства Владимира Соловьева и его учение о государстве и праве (часть II)

А. И. Федорищенкокандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,

140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.

E-mail: fedorishenko.kfn@yandex.ru

Vladimir Solovyov's Philosophy of Unity and His Doctrine of the State and Law (Part II)

A. I. Fedorishchenko

PhD in Philosophy, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Humanities of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: fedorishenko.kfn@yandex.ru*Поступила 12.01.2026 Принята к печати 29.01.2026*

Аннотация

Первая часть нашей статьи¹ была посвящена общефилософским основаниям учения Соловьева – генезису его системы, онтологии и метафизике всеединства, софиологии и учению о Богочеловечестве. В предлагаемой второй части статьи рассматривается непосредственно философия права и государства – нравственные основания права, концепция «минимума добра», учение о государстве и теократический идеал. В статье аргументируется вывод о том, что концепция права как «минимума добра» преодолевает ложную альтернативу между юридическим позитивизмом и моральным ригоризмом и имеет при этом практическое значение, так как позволяет обосновать критику законов, противоречащих фундаментальным нравственным принципам (человеческое достоинство, базовые права личности), и вместе с тем указывает на границы правового регулирования. Не все нравственно желательное может и должно быть предметом законодательства – значительная область человеческой жизни остается сферой свободного морального выбора. В статье отмечается, что философия государства Соловьева содержит элементы как утопии, так и реализма. Утопическими являются теократические проекты, надежды на соединение церквей и построение христианского государства. Реалистичными же можно назвать требования социальной справедливости, защиты слабых, обеспечения достойного существования для всех членов общества. Вместе с тем критический анализ показывает и ограничения соловьевской философии. Ее слабыми сторонами являются: чрезмерная систематичность, порой приводящая к насилию над реальностью во имя схемы; недостаточное внимание к эмпирической конкретности социальных процессов; утопические элементы, недооценивающие силу зла в истории; некоторая произвольность метафизических построений, особенно в области софиологии.

Ключевые слова: право, нравственность, стыд, жалость, благоговение, добро, свобода, справедливость, государство, принуждение, соборность, Богочеловечество, «минимум добра», Абсолют, диалектика, идеал, позитивизм, юснатурализм, теократия, иерократия, цезаропапизм, свободная теократия.

Abstract

The first part of our article was devoted to the general philosophical foundations of Solovyov's teachings, including the genesis of his system, the ontology and metaphysics of all-unity, sophiology, and the doctrine of God-manhood. The second part of the article focuses on the philosophy of law and the state, including the moral foundations of law, the concept of the "minimum of goodness," the doctrine of the state, and the theocratic ideal.

¹ См.: Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 4. – С. 43–51.

The article argues that the concept of law as the "minimum of goodness" overcomes the false alternative between legal positivism and moral rigorism, and has practical significance, as it allows for the justification of criticism of laws that contradict fundamental moral principles (human dignity and basic individual rights), while also indicating the limits of legal regulation. Not everything that is morally desirable can or should be subject to legislation, as a significant area of human life remains a realm of free moral choice. The article notes that Solovyov's philosophy of the state contains elements of both utopia and realism. The theocratic projects, the hopes for the unification of churches, and the construction of a Christian state are utopian. The demands for social justice, protection of the weak, and ensuring a dignified existence for all members of society are realistic. At the same time, a critical analysis reveals the limitations of Solovyov's philosophy. Its weaknesses include: excessive systematicity, which sometimes leads to the violation of reality in the name of a scheme; a lack of attention to the empirical specifics of social processes; utopian elements that underestimate the power of evil in history; and a certain arbitrariness in metaphysical constructions, particularly in the field of sophiology..

Keywords: right, morality, shame, pity, reverence, goodness, freedom, justice, state, coercion, conciliarity, God-manhood, "minimum of goodness", Absolute, dialectics, ideal, positivism, jurnaturalism, theocracy, hierocracy, caesaropapism, free theocracy.

Наиболее известным положением соловьевской философии права является определение права как «минимума добра» или, более полно, как «принудительного требования реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [7. – С. 466]. Это определение содержит несколько важных элементов, каждый из которых заслуживает детального анализа.

Во-первых, право имеет нравственное содержание – оно нацелено на обеспечение добра и ограничение зла. Это положение направлено против юридического позитивизма, для которого содержание права безразлично. Соловьев настаивает на том, что право не может быть ценностно нейтральным: оно всегда служит определенным целям, и эти цели должны быть нравственно оправданы. Право, противоречащее фундаментальным нравственным принципам, не заслуживает признания и повиновения.

Во-вторых, нравственное содержание права ограничено «минимумом» – право не претендует на полное осуществление морального идеала. Если бы право требовало от людей святости, героизма, самоотверженной любви, оно было бы невыполнимо для большинства людей и превратилось бы в инструмент тирании. Право устанавливает лишь тот минимальный уровень нравственного поведения, который необходим для сохранения общества и который может быть обеспечен внешним принуждением.

Это различие минимума и максимума представляется чрезвычайно важным. Оно позволяет избежать двух опасностей: с одной стороны, морального индифферентизма права (всё дозволено, что не запрещено законом), с другой – морального тоталитаризма (закон регулирует все

аспекты жизни и требует совершенства). Право, по Соловьеву, занимает промежуточное положение: оно выражает определенные нравственные требования, но не все и не в полной мере.

В-третьих, специфическим признаком права является принудительность. Иными словами, в отличие от морали, право обеспечивается внешним принуждением. Моральные нормы обращаются к совести человека и не могут быть навязаны силой; правовые нормы, напротив, поддерживаются организованным принуждением государства. Это не делает право безнравственным – принуждение может быть нравственно оправдано, если оно направлено на защиту невинных и ограничение зла. Но это указывает на ограниченность права: оно не может достичь того, что достигается свободным нравственным самосовершенствованием.

Соловьев подчеркивает, что право и нравственность находятся в отношении не противоположности, а дополнительности. Право без нравственности превращается в голое насилие; нравственность без права остается бессильным пожеланием. Здоровое общество нуждается в обоих: право обеспечивает внешний порядок, нравственность – внутреннюю культуру. При этом право должно постоянно совершенствоваться в направлении нравственного идеала: то, что сегодня регулируется принуждением, завтра может стать предметом добровольного исполнения.

Представляется, что концепция «минимума добра» имеет как теоретические достоинства, так и практические следствия. Теоретически она позволяет преодолеть ложную дилемму между юснатурализмом и позитивизмом, признавая ценностное содержание права, но не отождествляя его с моралью. Практически она обосновывает

как необходимость государственного принуждения для защиты базовых ценностей, так и границы этого принуждения – оно не должно вторгаться в сферу личных убеждений и совести.

Вместе с тем концепция Соловьева вызывает и некоторые вопросы. Кто определяет содержание этого «минимума»? Не ведет ли признание нравственного содержания права к субъективизму и произволу в толковании законов? На эти вопросы Соловьев отвечает, апеллируя к общечеловеческому нравственному сознанию: существуют базовые моральные принципы (не убий, не укради, соблюдай договоры), которые признаются всеми нормальными людьми независимо от культуры и эпохи. Право фиксирует именно эти универсальные принципы.

Такой ответ представляется частично убедительным, но не вполне достаточным. Действительно, существуют некоторые базовые нравственные нормы, признаваемые повсеместно. Но их интерпретация и применение существенно различаются в разных обществах. Что считать убийством? В некоторых культурах убийство на войне или казнь преступника не считается убийством. Что считать кражей? В обществах с коллективной собственностью само понятие кражи имеет иной смысл. Эти вопросы свидетельствуют о том, что содержание «минимума добра» не так очевидно, как может показаться на первый взгляд.

Соловьев выводит содержание права из трех первичных нравственных чувств: стыда, жалости и благоговения. Стыд свидетельствует о господстве человека над своей низшей природой, потому что человек испытывает его за все животные, бесформенные, хаотические проявления. Жалость обнаруживает солидарность с другими живыми существами, она есть основа альтруизма и социальности. Благоговение указывает на связь с высшим, божественным началом – оно лежит в основе религиозности и почитания святыни.

Эти три чувства развиваются в три основные добродетели: воздержание (аскетизм), справедливость (альтруизм) и благочестие (религиозность). В социальном плане им соответствуют три сферы: экономическая жизнь, связанная с господством над материей; правовая жизнь, регулирующая отношения между людьми; духовная жизнь, связывающая человека с Богом. Право, таким образом, укоренено в чувстве жалости и добродетели справедливости, поскольку оно выражает солидарность людей и их взаимные обязательства.

На наш взгляд, эта психологическая и аксиологическая конструкция имеет определенную эвристическую ценность, но вряд ли может служить строгим обоснованием содержания права. Выведение правовых норм из «первичных чувств» выглядит умозрительным и не учитывает исторической изменчивости моральных представлений. Тем не менее сама идея о нравственных корнях права представляется плодотворной и может быть развита на иных, более прочных основаниях.

Государство в философии Соловьева получает нравственное обоснование и определяется как «организованная жалость» – институт, призванный защитить слабых от произвола сильных и обеспечить условия достойного существования для всех членов общества. При всей лаконичности эта формула содержит целую программу понимания государственности, существенно отличающуюся от распространенных либеральных и консервативных концепций.

Либеральная традиция, идущая от Локка и Канта, рассматривает государство прежде всего как гаранта индивидуальных прав – жизни, свободы и собственности. Государство есть «ночной сторож», охраняющий границы индивидуальной автономии и вмешивающийся в жизнь граждан лишь для предотвращения взаимного насилия. Консервативная традиция, напротив, видит в государстве органическое единство, историческую общность, объединенную религией, традицией и культурой. Государство есть не механический агрегат индивидов, а живой организм, обладающий собственной ценностью и целью.

Позиция Соловьева занимает промежуточное положение. С либералами он разделяет признание прав личности и недопустимости их нарушения; с консерваторами – понимание органической природы общества и государства. Но его главный акцент иной: государство призвано не просто охранять уже существующий порядок, но активно содействовать нравственному прогрессу общества, защищая слабых и обездоленных.

Формулировка «организованная жалость» указывает на то, что государство есть институционализация естественного человеческого чувства сострадания к страдающим. Подобно тому как отдельный человек, видя несчастье ближнего, испытывает побуждение помочь ему, так и общество в целом, организованное в государство, должно помогать своим слабым членам. Это не благотворительность и не милостыня, а обя-

занность, вытекающая из самой природы общественной связи.

Отметим, что соловьевская концепция государства содержит важную истину, часто упускаемую из виду в современных дискуссиях. Она указывает на нравственное измерение политики, которое не сводится ни к защите индивидуальных прав, ни к обеспечению экономической эффективности. Государство имеет нравственное призвание – служить добру и справедливости, и оно должно оцениваться не только по формальным критериям, но и по тому, насколько оно выполняет эту миссию.

Соловьев различает три исторических типа государственности, соответствующих различным уровням нравственного развития. Военное государство основано на силе и подчинении; его принцип – «цель оправдывает средства», а высшей ценностью является могущество государства как такового. Примеры такого государства – древневосточные деспотии, Римская империя, а в Новое время к таковым можно отнести государства, исповедующие *realpolitik*. Такое государство, хотя и выполняет определенную историческую функцию (обуздание первобытного хаоса), морально несовершенно, и это несовершенство должно быть преодолено.

Полицейское, или юридическое, государство руководствуется началом права и формального равенства граждан перед законом. Здесь уже признаются определенные права личности, не зависящие от произвола власти. Государство выступает как беспристрастный арбитр, применяющий одинаковые правила ко всем. Это значительный прогресс по сравнению с военным государством, и современные западные демократии в значительной мере соответствуют этому типу. Однако и он недостаточен: формальное равенство часто оказывается прикрытием фактического неравенства.

Нравственное государство – высший тип – ставит своей задачей не только соблюдение формального права, но и активное содействие нравственному совершенствованию общества. Оно заботится о материальном благосостоянии граждан, обеспечивает им достойное существование, защищает слабых от эксплуатации со стороны сильных. При этом оно не подавляет индивидуальную свободу и не претендует на регламентацию всех аспектов жизни, а лишь создает условия, при которых свободное нравственное развитие становится возможным [7].

На наш взгляд, типология Соловьева имеет определенную эвристическую ценность, хотя и грешит упрощением. Реальные государства редко соответствуют чистым типам и обычно сочетают элементы различных уровней. Современные демократии содержат элементы всех трех типов: и насилие (армия, полиция), и формальное право (конституции, суды), и социальную заботу (системы образования и здравоохранения). Вопрос в том, какой элемент преобладает и определяет характер государства.

Важной составной частью соловьевского учения о государстве является его социальная философия. Соловьев признает право собственности, но настаивает на его ограничении социальными обязанностями. Собственность есть не абсолютное господство над вещью, а функция, предполагающая ответственное использование. Государство вправе и обязано ограничивать права собственников во имя общего блага (например, через прогрессивное налогообложение, трудовое законодательство, социальное страхование).

Философ последовательно выступает за признание социальных и экономических прав. Государство обязано обеспечить каждому гражданину необходимый минимум материального благосостояния, без которого невозможно достойное человеческое существование. Право на труд, справедливое вознаграждение, защита от чрезмерной эксплуатации – все эти требования вытекают из нравственного принципа уважения к человеческому достоинству. В этом отношении Соловьев предвосхитил многие идеи социал-демократии и концепцию «*welfare state*» (государство всеобщего благосостояния), воспринятую, например, скандинавскими странами.

На наш взгляд, социальная философия Соловьева сохраняет актуальность в современных условиях растущего неравенства и размывания социальных гарантий. Его требование «достойного существования» для всех членов общества противостоит как либертарианской апологетике неограниченного рынка, так и уравнилельным утопиям. Соловьев признает роль частной инициативы и конкуренции, но настаивает на их социальной ответственности и государственном регулировании.

Особо следует отметить позицию Соловьева по вопросу уголовного права. Целью наказания, по его убеждению, не может быть ни месть, ни устрашение, ни даже справедливое воздаяние за совершенное зло. Истинная цель уголовной ре-

прессии – исправление преступника, его нравственное перевоспитание [7]. Соловьев последовательно выступает против смертной казни, которая исключает возможность исправления и противоречит христианскому пониманию личности как образа Божия, в таком качестве способной к покаянию и преображению [8].

На наш взгляд, соловьевская критика карательной юстиции сохраняет свое значение. Хотя реабилитационный подход к наказанию столкнулся с серьезными практическими трудностями (рецидивизм, сложность «перевоспитания» закоренелых преступников), его моральные основания остаются прочными. Смертная казнь, пожизненное заключение, бесчеловечные условия содержания – все это противоречит признанию достоинства человеческой личности и свидетельствует о нравственном несовершенстве нашей системы правосудия.

Своеобразной кульминацией социально-политической философии Соловьева является его теократический идеал, изложенный преимущественно в трудах 1880-х годов – «Духовные основы жизни» (1882–1884) [5], «История и будущность теократии» (1885–1887) [6], «Россия и Вселенская Церковь» (1889) [9]. Теократия в понимании Соловьева есть не господство духовенства над светской властью (иерократия), не слияние церкви и государства (цезаропапизм), а органическое единство трех общественных сил, каждая из которых сохраняет свою автономию [6].

Эти три силы суть священство (церковь), царство (государство) и пророчество (свободные деятели культуры). Священство представляет божественное начало в обществе, хранит и возвещает абсолютную истину. Царство воплощает человеческую волю, направленную на достижение общего блага, осуществляет практическую организацию жизни. Пророчество выступает посредником между вечной истиной и изменяющейся действительностью, указывая конкретные пути воплощения идеала в данных исторических условиях.

Гармоничное сочетание этих трех начал образует «свободную теократию». Это общественный строй, в котором религиозная истина, политическая власть и культурное творчество находятся в согласии и взаимно поддерживают друг друга. При этом ни одно из начал не подавляет другие: церковь не подчиняет себе государство, государство не превращает церковь в свой инструмент,

интеллигенция не отрывается от религиозных и национальных корней.

Особую роль в осуществлении теократического идеала Соловьев первоначально отводил России. По его замыслу, союз русского православного царя с римским папой мог бы положить начало воссоединению христианских церквей и созданию вселенской теократии. Россия, сохранившая полноту государственной власти, и Рим, сохранивший духовный авторитет, должны были дополнить друг друга, образовав «социальную Троицу» вместе с пророческим началом, представленным свободными мыслителями и деятелями культуры.

На наш взгляд, теократический проект Соловьева представляет собой характерный пример утопического мышления со всеми его сильными и слабыми сторонами. Сильной стороной является постановка вопроса о целостности общественной жизни, о необходимости ее духовных оснований. Соловьев справедливо указывает, что общество, лишённое религиозной санкции и нравственных идеалов, обречено на распад и деградацию. В этом смысле его теократия противостоит секулярному индивидуализму, видящему в обществе лишь агрегат атомизированных индивидов.

Слабой стороной является недооценка реальных исторических сил и противоречий. В идее соединения православия и католицизма игнорируются глубина богословских и культурных различий между ними, а также политические интересы, стоящие за церковным разделением. Идеализация русского самодержавия была явно не критичной – Соловьев недооценивал архаичность и репрессивность царского режима. Сама схема трех социальных сил выглядит умозрительной конструкцией, не имеющей опоры в реальных общественных процессах.

Показательна эволюция взглядов Соловьева в последние годы жизни. Разочаровавшись в возможности воссоединения церквей и в готовности русского государства к нравственному преобразованию, философ постепенно отходит от своих теократических построений. В «Трёх разговорах» (1900) [10], одном из своих последних произведений, он уже не возлагает надежд на политические средства достижения идеала. Торжество добра может совершиться лишь эсхатологически, в конце истории, через катастрофическое столкновение добра и зла и окончательную победу Христа.

Эта эволюция представляется весьма показательной. Она свидетельствует о способности Соловьева к самокритике, о его готовности пересматривать свои взгляды под давлением опыта. Переход от утопического оптимизма к эсхатологическому реализму означал признание трагичности истории, невозможности построения совершенного общества земными средствами. Это не отказ от идеала, но признание его трансцендентности. Он указывает направление движения, но не может быть полностью реализован в пределах истории.

Представляется, что «поздний» Соловьев ближе к истине, чем Соловьев периода теократических проектов. История XX в. с ее тоталитарными режимами, мировыми войнами и геноцидами наглядно показала опасность утопических попыток «построить рай на земле». Вместе с тем эсхатологическая перспектива не снимает с человека ответственности за посюстороннюю жизнь, она лишь указывает на ее ограниченность и несовершенство.

Несмотря на утопические элементы, теократическая концепция Соловьева содержит плодотворные идеи, сохраняющие значение и сегодня. Прежде всего это идея о необходимости нравственной легитимации власти. Власть, не служащая добру, не заслуживает повиновения, даже если она формально законна. Далее, это идея о служебном характере государства по отношению к высшим духовным ценностям. Государство есть не самоцель, но средство для осуществления нравственного идеала. Наконец, это идея о взаимодополнительности религиозных, государственных и культурных институтов. Здоровое общество нуждается во всех трех, и ни один из них не должен подавлять другие.

Эти идеи оказали значительное влияние на развитие русской религиозной философии права XX в. Такие авторы, как Е. Н. Трубецкой [11], П. И. Новгородцев [4], И. А. Ильин [2; 3], Н. Н. Алексеев [1] в той или иной мере испытали воздействие соловьевской мысли, развивая и корректируя ее в различных направлениях. Можно сказать, что В. С. Соловьев заложил основания целой школы философии права, ориентированной на синтез правовой культуры и религиозно-нравственных ценностей.

Проведенное исследование философии всеединства Владимира Соловьева и его учения о государстве и праве позволяет сформулировать

ряд актуальных выводов, имеющих как историко-философскую, так и теоретическую значимость.

Философская система Соловьева представляет собой грандиозную попытку синтеза различных интеллектуальных традиций: немецкого идеализма, христианской патристики, русского славянофильства, западной мистики и научного позитивизма. При всей противоречивости этого синтеза его значение для русской культуры трудно переоценить, ведь именно В. Соловьев создал первую в истории России законченную философскую систему, оказавшую определяющее влияние на последующее развитие отечественной мысли. По сути, он был нашим «русским Гегелем» – ни больше, и ни меньше.

Центральное понятие всеединства, то есть единства в многообразии, сохраняющего различия, а не поглощающего их, представляется чрезвычайно актуальным для современных размышлений о природе социальной связи. В эпоху глобализации и мультикультурализма оно предлагает альтернативу как унифицирующему универсализму, так и релятивистскому партикуляризму. Подлинное единство человечества возможно не через нивелирование различий, а через их признание и гармонизацию.

Софиология и учение о Богочеловечестве, при всей их метафизической сложности и спорности отдельных положений, выражают важную истину о высоком достоинстве мира, природы и человека. Они противостоят как нигилистическому обесцениванию бытия, так и наивному оптимизму, игнорирующему реальность зла. Мир несовершенен, но призван к совершенству; человек грешен, но способен к преображению – таково послание соловьевской философии.

Учение Соловьева о праве представляет собой значительный вклад в философию права, актуальный и сегодня. Концепция права как «минимума добра» преодолевает ложную альтернативу между юридическим позитивизмом и моральным ригоризмом. Она признает нравственное содержание права, но не отождествляет его с моралью; обосновывает необходимость государственного принуждения, но ограничивает его сферу.

На наш взгляд, эта концепция имеет практическое значение для решения современных правовых проблем. Она позволяет обосновать критику законов, противоречащих фундаментальным нравственным принципам (человеческое достоинство, базовые права личности), и вместе с тем указывает на границы правового регулирования.

Не все нравственно желательное может и должно быть предметом законодательства – значительная область человеческой жизни остается сферой свободного морального выбора.

Философия государства В. Соловьева содержит элементы как утопии, так и реализма. Утопическими являются теократические проекты, надежды на соединение церковей и построение христианского государства. Реалистичными же можно назвать требования социальной справедливости, защиты слабых, обеспечения достойного существования для всех членов общества. Эти требования не утратили своего значения; более того, в условиях растущего неравенства и размывания социальных гарантий они звучат особенно актуально.

Думается, что главная ценность соловьевского наследия состоит не в отдельных концепциях и доктринах (многие из них действительно устарели или требуют существенной корректировки), а в общей установке его мышления. Эта установка может быть охарактеризована как «нравственный идеализм», т. е. убеждение в том, что мир имеет смысл, что добро реально и что человек призван к его осуществлению. В эпоху морального релятивизма и цинизма такая установка представляется спасительным противоядием.

Вместе с тем критический анализ показывает и ограничения соловьевской философии. Ее слабыми сторонами являются: чрезмерная систематичность, порой приводящая к насилию над реальностью во имя схемы; недостаточное внимание к эмпирической конкретности социальных процессов; утопические элементы, недооценивающие силу зла в истории; некоторая произвольность метафизических построений, особенно в области софиологии.

В заключение представляется уместным привести слова самого Соловьева о значении философского мышления: «Задача философии – не в том, чтобы указать людям, что они должны делать (это дело совести), а в том, чтобы показать им, что, делая то или другое, они остаются верны или изменяют истине, добру и красоте» [7]. Эта скромная, но важная задача – прояснение связей между различными сферами человеческой жизни, выявление нравственного смысла социальных институтов, критическая рефлексия над основаниями нашего существования – остается актуальной и в наше время. И в этом отношении наследие Владимира Соловьева продолжает служить источником вдохновения и размышления для правоведов современности.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – М. : Лань, 1999.
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. – М. : Директ-Медиа, 2014.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М. : АСТ, 2025.
4. Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. – 1901. – Кн. 56. – С. 112–129.
5. Соловьев В. С. Духовные основы жизни. – М. : Директ-Медиа, 2025.
6. Соловьев В. С. История и будущность теократии : том 1. – М. : ARCHIV PUBLICA, 2025.
7. Соловьев В. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012.
8. Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. – Л. : Лениздат, 1990. – С. 93–130.
9. Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь. – М. : Амрита-Русь, 2024.
10. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. – М. : Директ-Медиа, 2014.
11. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева : в 2 т. – М. : Медиум, 1995.